

NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR

САНДРА БРАУН

Подельники луны

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 87

Sandra Brown
HELLO, DARKNESS

By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. and Prava i Prevodi, Ltd.
Translated from the English HELLO, DARKNESS

© 2003 by Sandra Brown Management, Ltd.
First published in the United States by Simon & Schuster, Inc., New York

Ранее роман выходил под названием «Смерть в ночном эфире»

Перевод с английского *И. Крупичевой*

Художественное оформление *С. Власова*

Браун, Сандра.
Б 87 Подельники луны / Сандра Браун ; [пер. с англ.
И. Ю. Крупичевой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 576 с. —
(Сандра Браун. Бестселлеры Suspense & Romance).

ISBN 978-5-699-73412-2

Ведущей популярного ночного радишоу Пэрис Гибсон звонит неизвестный и обвиняет ее во множестве грехов. Он не может простить ей то, что она разлучила его с подружкой, к тому же, утверждает он, семь лет назад она убила своего супруга. Мужчина грозит придрушить свою девушку, а потом расправиться и с Пэрис. Ей не остается ничего другого, как обратиться в полицию. Вместе с полицией к делу подключается психолог Дин Мэллой, друг ее покойного мужа, человек, которого она любила... и от которого скрывалась все эти годы.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-73412-2

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Ставалось шесть минут до конца эфира. Все шло как обычно.

— На холмы опустился ночной туман. Спасибо, что провели эти четыре часа с нами на волне 101.3. Вы слушали программу «Песни о любви». С вами была Пэрис Гибсон. Перед тем как мы расстанемся, послушайте еще три песни, которые мне очень нравятся. Я надеюсь, что вы будете слушать их вместе с теми, кого вы любите. Обнимите друг друга покрепче.

Пэрис нажала на кнопку, отключая свой микрофон. Песни будут звучать без перерыва до 1.59.30. В оставшиеся тридцать секунд она снова поблагодарит своих слушателей, пожелает всем спокойной ночи и выйдет из эфира.

Под мелодию песни «Вчера» Пэрис закрыла глаза, покрутила головой направо-налево, снимая напряжение с плеч. В сравнении с восьмичасовым рабочим днем четыре часа в эфире могли показаться легкой работой, но это заблуждение. К окончанию смены она была вымотана вконец.

Пэрис находилась в студии одна, сама представляла песни, которые заранее отбирала. По ходу дела слушатели просили исполнить то, что нравилось им, и ей

приходилось не только быстро перестраиваться, но и следить за временем. Пэрис не пользовалась услугами телефонистки и всегда сама отвечала на звонки.

Она легко, почти автоматически управлялась с оборудованием в студии, но к тому, что и как она говорит, Пэрис относилась очень серьезно. Она никогда не допускала ошибок, поскольку постоянно занималась — с учителями и самостоятельно, — чтобы довести до совершенства так называемую манеру Пэрис Гибсон, которая принесла ей известность.

Сегодня она старалась больше обычного, после двухсот сорока минут в эфире ее шея и плечи просто окаменели от напряжения. И это было верным признаком того, что она хорошо поработала.

После второго куплета знаменитой песни «Битлз» на телефонном аппарате зажглась красная лампочка, сообщавшая о звонке слушателя. Пэрис не хотелось отвечать, но официально до конца эфира оставалось еще почти шесть минут, а она пообещала слушателям, что будет принимать звонки до двух часов ночи. В эфир звонок давать было поздно, но все равно следовало ответить.

Она нажала на мигающую кнопку:

— Говорит Пэрис.

— Привет, Пэрис, это Валентино.

Они уже были знакомы заочно. Мужчина периодически звонил, и ведущая легко запомнила необычное имя. И голос его тоже трудно было спутать с чьим-то другим. Он говорил еле слышно, почти шептал, либо желая произвести впечатление, либо пытался остаться неузнанным.

Пэрис говорила в микрофон, установленный над

приборной доской и выполнявший роль телефонной трубки. Во время программы обычной трубкой она не пользовалась, чтобы иметь возможность менять диски, даже разговаривая со слушателями.

— Как поживаете, Валентино?

— Так себе.

— Мне очень жаль.

— Точно. Ты об этом пожалеешь.

В эфире Анна Мюррей с песней «Мое разбитое сердце» сменила знаменитую ливерпульскую четверку.

Пэрис автоматически посмотрела на монитор — началась вторая из трех запланированных ею песен. Она не была уверена, что правильно расслышала слова Валентино.

— Простите, что вы сказали?

— Ты об этом пожалеешь, — внятно, отчетливо повторил он.

Несколько театральный тон был обычным для Валентино. Всякий раз, когда мужчина звонил на программу, он был или вне себя от радости, или не в себе от тоски. Пэрис никогда не знала, чего от него ожидать, и именно поэтому его звонки всегда представляли интерес. Но сейчас в его голосе, несомненно, звучали зловещие нотки. Такое случилось впервые.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я делал все, как ты мне советовала, Пэрис.

— Я давала вам советы? Когда?

— Каждый раз, когда я звонил. Ты всегда говоришь — не только мне, всем, кто дозванивается, — что мы должны уважать тех, кого мы любим.

— Верно. Я думаю...

— Так вот, уважение — это тупик. И теперь мне плевать, что ты там думаешь.

Пэрис не была ни психологом, ни психотерапевтом, она просто вела музыкальную программу на радио пять раз в неделю, все дни, кроме выходных. И тем не менее она очень серьезно относилась к своей роли человека, выслушивающего чужие признания по ночам.

Когда позвонившему не с кем было больше поговорить, она охотно общалась. Ее слушатели знали Пэрис только по голосу и все-таки ей доверяли. Пэрис Гибсон стала для слушателей программы доверенным лицом, советчиком и исповедником.

Они делились с ней радостью, вываливали на нее свои печали, словом, выворачивали души. Пэрис считала достойными эфира только те звонки, которые могли вызвать сочувствие и одобрение всей аудитории или спровоцировать горячую дискуссию.

Чаще всего звонившему просто надо было выговориться. Тогда она просто слушала, как другие изливали свой гнев на окружающий мир. Очень редко Пэрис сама становилась объектом ярости позвонившего, но совершенно очевидно, что на этот раз все было именно так. Крайне неприятно.

Если этот Валентино находится на грани нервного срыва, ей не справиться с тем, что довело его до такого состояния, но она способна «уболтать» его, помочь ему отойти от опасной черты, а потом она убедит его обратиться за помощью к специалисту.

— Давайте поговорим о том, что случилось, Валентино. Что у вас на уме?

— Я уважаю девушек. Когда я влюбляюсь, я ставлю

девушку на пьедестал и обращаюсь с ней как с принцессой. Но им этого всегда мало. Девушки никогда не бывают верными. Все они меня обманывали, изменяли мне. Когда девушка уходила от меня, я звонил тебе, и ты всегда говорила, что в этом нет моей вины.

— Валентино, я...

— Ты всегда говорила мне, что я делал все правильно, что я не должен винить себя за то, что она ушла. И знаешь что? Ты совершенно права. Меня не в чем винить, Пэрис, во всем виновата только ты. На этот раз это твоя вина.

Пэрис оглянулась через плечо, посмотрела на звуконепроницаемую дверь студии. Холл за стеклянной стеной показался ей особенно темным, хотя здесь всегда так бывало в те часы, когда она вела свою ночную программу.

Ей захотелось, чтобы мимо прошел Стэн. Даже против появления Марвина она бы не возражала. Пэрис была бы рада, если бы еще кто-нибудь слышал этот разговор и помог ей правильно ответить.

Она подумала о том, чтобы отключить телефон. Никто не знал, где она живет и как выглядит. Это было особо оговорено в ее контракте с радиостанцией. Пэрис никогда не принимала участия в рекламных кампаниях, ее фотографии не появлялись ни в телерекламе, ни в газетах, ни в анонсах. Пэрис Гибсон — это были имя и голос, ничего больше. Она ничем не рисковала. Но совесть не позволила Пэрис повесить трубку. Если этот Валентино принял близко к сердцу ее слова, последовал ее совету, а все получилось не так, как она предполагала, его гнев объясним.

С другой стороны, если разумный человек не согласен с тем, что она посоветовала, он бы просто не стал обращать внимания на ее рекомендации. Оказалось, что Пэрис повлияла на жизнь своего слушателя сильнее, чем она ожидала или желала.

— Объясните, почему вы считаете меня виноватой, Валентино.

— Ты сказала моей девушке, чтобы она порвала со мной.

— Я никогда...

— Я сам все слышал! Она позвонила тебе позавчера. Я слушал твою программу. Она не назвала своего имени, но я узнал голос. Она рассказала тебе нашу историю. Потом она сказала, что я превратился в ревнивого собственника. И тут ты заявила моей девушке, что если она не чувствует себя достаточно свободной, то ей следует подумать об этом. Иными словами, ты посоветовала ей бросить меня. — Валентино помолчал, а потом объявил: — Теперь ты пожалеешь о том, что дала ей такой совет.

Пэрис не знала, что сказать. За все те годы, что она проработала на радио, она никогда не сталкивалась ни с чем подобным.

— Валентино, давайте не будем нервничать и обсудим ситуацию, договорились?

— Я совершенно спокоен, Пэрис. И обсуждать абсолютно нечего. Я заманю ее туда, где ее никто не найдет. Ей не удастся убежать от меня.

После этих слов ситуация из зловещей превратилась в ужасную. Разумеется, он не собирался делать ничего подобного. Пэрис в этом не сомневалась.

Но прежде чем она успела произнести это вслух, Валентино добавил:

— Она умрет через три дня, Пэрис. Я убью ее, и ее смерть будет на твоей совести.

В эфире звучала последняя из трех объявленных песен. Часы на мониторе отсчитывали секунды, оставшиеся до конца программы. Пэрис бросила быстрый взгляд на автоматическое устройство, записывающее звонки, чтобы убедиться, что оно исправно. Умная машина работала без помех. Ее разговор с Валентино записывался.

Пэрис облизала губы и судорожно вздохнула:

— Валентино, это совсем не смешно.

— А я и не собирался тебя веселить.

— Я знаю, что на самом деле вы не намерены...

— Я намерен сделать именно то, что сказал. Я заслужил право на ее время и ее внимание. Я могу провести с ней хотя бы семьдесят два часа, разве ты не согласна? Всего три дня... Я ведь так хорошо к ней относился.

— Валентино, прошу вас, послушайте...

— Я не стану больше тебя слушать. Ты просто дерьмо. Ты даешь вредные советы. Я обращаюсь с девушкой с уважением, потом она уходит от меня и ложится под других мужчин. И ты советуешь ей бросить меня, словно это я разрушил наши отношения, словно это я изменил. Я за справедливость. Так что я буду трахать ее, пока из нее не польется кровь, а потом я ее убью. Через семьдесят два часа, Пэрис. Спокойной тебе ночи.

Дин Мэллой осторожно выбрался из кровати. Пошарив рукой в темноте, он нашел свое белье на полу, подобрал его и отправился в ванную комнату. Стараясь не шуметь, закрыл дверь и только потом включил свет.

Но Лиза все равно проснулась:

— Дин!

Он оперся о край раковины и посмотрел на свое отражение в зеркале:

— Я сейчас.

На его лице было написано отчаяние или отворачивание, Дин и сам не понял, но во взгляде определенно читался упрек.

Дин еще несколько секунд вглядывался в зеркало, потом открыл кран и плеснул в лицо холодной водой. Он натянул трусы и открыл дверь.

Лиза включила ночник у постели и лежала, опершись на локоть. Ее светлые волосы спутались. Под глазом размазалась тушь. Но каким-то образом ей удавалось выглядеть очень привлекательной.

— Ты примешь душ?

Дин покачал головой:

— Позже.

— Я бы потеряла тебе спинку, — игриво предложила она.

— Спасибо, но...

— Я могу заняться и всем остальным тоже.

Дин улыбнулся:

— Как-нибудь в другой раз.

Его брюки украшали собой кресло в углу. Как только он протянул к ним руку, Лиза откинулась на подушки и надула губы.

— Ты уходишь, — обиженно протянула она.

— Я бы с большим удовольствием остался, Лиза.

— Ты уже несколько месяцев не оставался на всю ночь.

— Мне самому это не нравится, но ничего не поделаешь.

— Господи, Дин, ведь парню уже шестнадцать.

— Именно так, шестнадцать. Если бы Гэвин был маленьким, я бы точно знал, где он, с кем и что с ним. Но он уже получил права. А для отца это настоящий круглосуточный кошмар.

— Когда ты придешь домой, Гэвина скорее всего не будет.

— Ему лучше оказаться дома, — пробормотал Дин, заправляя рубашку в брюки. — Вчера он вернулся позже, чем следовало, поэтому утром я велел ему никуда не уходить вечером.

— И как надолго ты его наказал?

— Пока он не исправится.

— А если сын тебя не слушает?

— Не останется дома?

— Не исправится.

Этот вопрос был куда серьезнее. На него требовался более аргументированный ответ, а на это у Дина уже не оставалось времени. Он сунул ноги в ботинки, присел на край кровати и коснулся руки Лизы:

— Это несправедливо, я понимаю. Поведение Гэвина не должно влиять на твое будущее.

— На наше будущее.

— На наше будущее, — негромко повторил Дин. — Это чертовски несправедливо. Из-за него нам пришлось многое отложить на неопределенное время, и это очень плохо.

Лиза взяла его руку и поцеловала ладонь.

— Мне не удастся убедить тебя остаться у меня на ночь, а я еще надеялась, что к Рождеству мы поженимся.

— Это вполне вероятно. Ситуация может измениться к лучшему быстрее, чем мы думаем.

Она не разделяла его оптимизма, и складка между бровями ясно сказала ему об этом.

— Я была очень терпеливой. Ты согласен, Дин?

— Абсолютно.

— За те два года, что мы вместе, я проявила чудеса терпимости и снисходительности. Я переехала сюда без всяких разговоров. И хотя куда разумнее нам было бы жить вместе, я согласилась снять эту квартиру.

Ее память была избирательной и неверной. Они никогда не говорили о совместном проживании. Дин даже не думал об этом, пока сын жил в его доме. И при чем тут переезд в Остин? Он ей этого не

предлагал. Более того, Дин был бы только рад, если бы она осталась в Хьюстоне.

Лиза сама решила переехать следом за ним. Когда она объявила об этом, ему пришлось изобразить радость и скрыть смутное недовольство. Она навязала себя Дину именно тогда, когда ему меньше всего было это нужно.

Но сейчас ему не хотелось начинать дискуссию по этому поводу, и Дин с готовностью согласился с тем, что Лиза была необыкновенно терпеливой, несмотря на его поведение и сложившуюся ситуацию.

— Я отлично понимаю, насколько все изменилось с тех пор, как мы начали встречаться. Ты не собиралась заводить отношения с одиноким отцом, воспитывающим сына-подростка. Ты проявила больше терпения, чем я имел право надеяться.

— Спасибо, — поблагодарила его Лиза, ее настроение смягчилось. — Но мое тело не знает, что такое терпение, Дин. С каждым месяцем в корзинке остается все меньше яиц.

Он улыбнулся при этом мягком упоминании о ее биологических часах.

— Я понимаю, что ты многим пожертвовала ради меня. И продолжаешь жертвовать.

— Я хочу сделать для тебя больше. — Лиза погладила его по щеке. — Потому что, черт бы тебя побрал, Дин Мэллой, ты стоишь того, чтобы пойти ради тебя на жертвы.

Дин знал, что она говорит искренне, но ее искренность не подняла ему настроения, а только усилила его уныние.